

РАЗДЕЛ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ» /
SECTION «PHILOSOPHY OF SCIENCE»

09.00.14 ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ /
PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

Серия «Политология. Религиоведение»
2018. Т. 23. С. 102–109
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiapolit.isu.ru/ru/index.html>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 2-87

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.102>

**Семиотика новейшего агиологического мифа
и формирование неканонических культов**

А. М. Прилуцкий

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург*

Аннотация. Рассматриваются семиотические особенности агиологического мифа, который понимается как совокупность мифологических дискурсов, описывающих иррациональные причины и последствия реальных либо мнимых поступков «будущего святого» в контексте проявления им сверхъестественных способностей. Автор доказывает, что спецификой неканонических культов является то, что агиологический миф предшествует культу, а не формируется по мере развития последнего. Более того, можно предположить, что именно агиологический миф – инструмент формирования культа и его пропаганды. Поскольку цель агиологического мифа состоит не в агиографии образа святого, но обосновании его культа, фундировании почитания, агиологический миф малоинформативен, но зато отличается значительной иллюкутивностью, направленной на апологетику соответствующего святого. Анализ дискурсов агиологического мифа позволяет сделать вывод о том, что составляющие их мифологемы часто находятся в отношении простых бинарных оппозиций, свойственных для мифологического мышления как такового.

Ключевые слова: агиология, агиография, святой, канонизация, агиологический миф, агиологический нарратив.

Для цитирования: Прилуцкий А. М. Семиотика новейшего агиологического мифа и формирование неканонических культов // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 102–109. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.102>

Одной из отличительных черт современной церковной жизни является активизация процесса канонизации святых, достигшая пика в середине 2000-х гг.

Наряду с почитанием святых, получивших официальную церковную санкцию, в маргинальных кластерах церковной жизни формируются культы, с точки зрения Русской православной церкви, неканонические, такие как почитание Славика Чебаркульского, Григория Распутина, Ивана Грозного, Царя-Искупителя Николая II, И. В. Сталина. Существуют и вовсе одиозные попытки почитания Адоульфа Мюнхенского (т. е. Адольфа Гитлера) и подобных деяте-

лей. С позиций традиционного церковного учения подобные культы находятся в явном противоречии с существующим пониманием святости, поэтому, строго говоря, они являются не просто неканоническими, но антиканоническими.

Локализация подобных практик не может быть последовательно проведена по юрисдикционным границам: некоторые неканонические культы, подобные так называемому Чебаркульскому Отроку, распространяются в плохо структурированном пространстве народной религиозности, отличающейся тенденциями к синкретизму и мифологическому мировосприятию, и не знающему юрисдикционных границ¹. Иные культы тяготеют к юрисдикциям альтернативного православия, но при этом могут находить адептов и в канонических границах РПЦ. Наконец, третьи, сродни почитанию Гитлера, ограничены очень узким кругом адептов радикальных катакомбников и могут не рассматриваться как явление сколько-нибудь массовое. Тем не менее изучение подобных неканонических культов представляет собой интересную религиоведческую задачу, поскольку позволяет корректировать выводы о специфических герменевтических механизмах интерпретации понятия святости и шире – религиозной аксиологии в условиях современной религиозной культуры.

Хотя с церковно-канонической точки зрения общественное почитание любого святого до акта его церковной канонизации является неканоническим, тем не менее существуют принципиальные различия между почитанием святых, еще не получивших подобной санкции по каким-либо обстоятельствам, и культурами, не могущими получить такую санкцию в принципе при нормальном течении церковной жизни и отсутствии «революционных переворотов» в историческом источниковедении. Именно исследованию последних посвящена данная статья.

Ранее мною было высказано предположение, что возникновение и первоначальное развитие подобного маргинального культа начинается с формирования контуров того явления, которое можно обозначить как «агиологический миф» (миф о святом). Под последним будем понимать мифологические *дискурсы, описывающие иррациональные причины и последствия реальных либо мнимых поступков «будущего святого» в контексте проявления им сверхъестественных способностей*. Формирование агиологического мифа может происходить стихийно, а может представлять собою вполне управляемый процесс, руководимый заинтересованными лицами. Так, например, в циркулярном письме № 775 от 30.10.2007 митрополита Челябинского и Златоустовского Иова обоснованно утверждается, что неканонический культ отрока Вячеслава Чебаркульского «является самоизмышленным, содержит в себе элементы заурядного суеверия, кощунственного посягательства на учение Церкви и насаждается достаточно организованной группой антицерковно настроенных людей».

Специфика анализируемых культов заключается в том, что агиологический миф предшествует культу, а не формируется по мере развития последнего. Более того, можно предположить, что именно агиологический миф является инструментом формирования культа и его пропаганды.

¹ Народная религиозная культура «роднит» прихожан РПЦ и альтернативных юрисдикций через приобщение их одним и тем же суевериям.

Канонические культы в большинстве случаев формируются независимо от агиологического мифа, в соответствующей ритуалосфере мифологические компоненты не занимают сколько-нибудь заметного места, а концепт «чудо святого» становится предметом теологической и моральной, но не мифологической герменевтики. По мере развития почитания элементы агиологического мифа в ритуалосфере канонического святого вытесняются формирующимся агиографическим нарративом, прошедшим теологическое редактирование, в итоге исходные мифологические образы трансформируются в теологические метафоры/аллегории или демифологизируются иным образом. Рецепция церковью культа, ранее существовавшего в неканонической форме, обычно тоже предусматривает вытеснение агиологического мифа агиографическим нарративом канонического жития.

Агиологический миф может, конечно, получить некоторое развитие и при формировании вполне канонического культа, но обычно это происходит в пространстве народной религиозности и представляет собой семиотическую систему второго уровня – она формируется в результате трансформации теологического содержания агиографического нарратива в формат мифологического дискурса в условиях недостаточной катехизации и религиозно-теологической компетентности. Именно этот процесс обуславливает формирование устойчивых мифологических сюжетов, повествующих об апокрифических явлениях вполне канонических святых (равным образом о явлениях Иисуса Христа, Богородицы, ангелов), требующих особого почитания, налагающих запреты на те или иные действия в дни их памяти. Из мифологем Новейшего времени характерны рассказы о явлениях святых, предсказывающих смерть коммунистам, инициирующим атеистические гонения в 30–60-х гг., или наказывающих параличом и смертью легкомысленную девушку, кощунственно избравшую икону в качестве «кавалера для танца». Во всех этих случаях агиологический миф воспроизводится именно в кластерах низовой народной религиозности, чуждой теологической культуре «официальной церкви».

В отличие от канонических агиографических текстов, агиологический миф противится любой верификации, апеллируя к источникам анонимным и псевдонимным – ими могут быть «один человек», «одна старушка», «старцы» и т. д. Прагматика агиологического мифа подчинена двум задачам: герменевтико-апологетической, состоящей в «правильной» интерпретации поведения чтимого человека, позволяющей при помощи герменевтических уловок подогнать исторические сведения о его жизни под канон святости; вторая задача состоит в дискредитации аргументов противников почитания. Поскольку цель агиологического мифа заключается не в агиографии образа святого, но обосновании его культа, фундировании почитания, агиологический миф малоинформативен, но зато отличается значительной иллюкативностью, направленной на апологетику соответствующего святого.

Так как подобный культ обычно вызывает критику со стороны иерархии РПЦ, доказывающей его противоречие канонам, нормам теологии святости, иногда даже морали, прагматика агиологического мифа вынужденно учитывает подобные обвинения и дискредитирует их при помощи особых семиотических

и герменевтических механизмов защиты. Как правило, задействуются следующие механизмы.

1. Апелляция к метафорической и аллегорической герменевтике: действия святого представляют собой особый семиотический код, понимание которого скрыто от непосвященных, но который, правильно прочитанный, оказывается способом передачи высоконравственного месседжа.

2. Апелляция к мифологемам конспирологического мифа – образ святого «оклеветан» врагами, обычно «жидами», «жидомасонами» или некими неперсонифицированными «врагами».

3. Формирование особого семиотического пространства культа, приемлемого для традиционалистического восприятия церковных реалий. Новосоздаваемый культ должен выглядеть традиционно, поскольку любой модернизм в религиозной ритуалосфере способен отторгнуть верующих.

4. Включение нового культа в существующий и безупречный в каноническом отношении контекст (церковно-исторический, новозаветный) при помощи выстраивания параллелей.

Анализ дискурсов агиологического мифа позволяет сделать вывод о том, что составляющие их мифологемы часто находятся в отношении простых бинарных оппозиций, свойственных для мифологического мышления как такового. Благодаря данным оппозициям происходит не только формирование мифологических структур, но и обозначается само пространство мифологического семиозиса. Кроме того, это позволяет осуществлять апологетику культа, включая семиосферу культа в традиционный и традиционалистический контекст русской православной святости. Следует учитывать, что, как показал Д. А. Головушкин [6], границы между «фундаментализмом» и «модернизмом» часто носят весьма условный характер, поэтому обвинения крайних фундаменталистов в модернизме, периодически выдвигаемые иерархами канонического православия, могут быть вполне оправданными. Однако, помимо традиционных для христианской агиографии противопоставлений типа *святость/грех*, *благочестие/нечестие*, *ангелы/бесы*, агиологический миф характеризуется оппозициями, раскрывающими политические и идеологические основания культа. Это такие оппозиции, как *верность/предательство*, *святая Русь / растленный Запад*, *православные христиане / «жидомасоны»* и т. д. Это позволяет сделать вывод о том, что современный агиологический миф в том его изводе, который популярен среди радикальных фундаменталистов, не только тематически, но и структурно фундируется идеологическими установками. Таким образом, агиология начинает взаимодействовать с идеологией, что, естественно, трансформирует представления о святости.

Особенностью дискурсов агиологического мифа является то, что приведенные нами бинарные оппозиции мифологем проявляются на различных уровнях смысла, а именно категориальном, субкатегориальном и гиперкатегориальном.

Рассмотрим эту семантическую особенность на примере оппозиции *верность/предательство*, имеющей интегративное значение для целого ряда мифологических субдискурсов: Иван Грозный, Григорий Распутин, Николай Второй и даже И. В. Сталин почитаются фундаменталистами как мученики (вари-

ант – великомученики), причем – и это принципиально – мученики преданные и оболганные.

Для **категориального уровня** смысла оппозиции характерно противопоставление верности/предательства по отношению к «Государю как воплощению идеи Русского государства» [7, с. 428]. Данная оппозиция продуцирует одну из ключевых мифологем агиологического царебожнического мифа – правитель², преданный окружением, сохраняет верность своему жертвенному служению и сам в итоге становится жертвой, отвращающей от изменников и крамольников гнев Божий.

На **субкатегориальном уровне** данная оппозиция формирует исторические (квазиисторические) дискурсы конкретных агиологических мифов. Таким образом, в семиосферу культов (прежде всего – акафисты) включаются исторические и квазиисторические враги-предатели. Во-первых, это бояре, предавшие Ивана Грозного и казненные им: «Радуйся, изменников бояр, милосердие твое презревших, суду Божию и казни предавый» [1]. Во-вторых, аристократия, предавшая Николая Второго: «Потщишася знатныя люди Русския, Державную Десницу христа Господня³ супротив Воли Божией по воле своей направляти, егда же в похотении суетнем Тобою обличени быша, умыслили еси в сердцах измену» [3]. Особое место в анализируемой семиосфере занимает образ изменников из числа династии Романовых: «Радуйся, яко жиды тя (Распутина. – *Авт.*) яко царя убиша; радуйся, яко царскийи сродники, царя предавшии, в крове твоей повинни быша» [4]. Стоит отметить, что, как видно из приведенного примера, участие в убийстве Распутина великого князя Дмитрия почему-то интерпретируется как особая заслуга убитого. Спецификой субкатегориального уровня является особая герменевтика исторических событий, «истинное» значение которых выявляется при помощи обращения к концептам конспирологического мифа.

На **гиперкатегориальном уровне** оппозиция формирует сложную апокалиптическую семиотику, рассматривая предательство и мученическую смерть правителей святой Руси в контекстах предательства Иудею Спасителя и мрачных ожиданий, актором которых будет сам антихрист или его слуги: «Ветии жидовствующие, на сребреницы Иудины польстившеся, изостриша на тя неизчетные стрелы лукавствия своего, ядом злобы бесовской тии щедро напаяюще» [2] или «Наипаче, за измену Помазаннику Божию святому Царю Православному, егоже людие Российские, духом антихристовым прельстишася, в руки богопротивных жидов на поругание и убиение предали еси» [10]. Сюда же следует отнести своеобразную интерпретацию знаменитого «дела врачей» в поздний период сталинского правления: «Это так называемое дело врачей, когда, по наущению дьявола, слуги грядущего антихриста (и пошедшие у них на

² Упомянутый Григорий Распутин выступает в агиологическом мифе как мученик, чья смерть в результате ритуального убийства является символом и «иконой» смерти Николая Второго, поэтому сам Григорий Распутин интерпретируется в категориях царебожничества как своего рода «образ правителя».

³ Здесь очень смело обыгрывается обряд коронования христос (со строчной буквы) – т. е. «помазанник».

поводу предатели-иуды) в “белых халатах” (т. е. медицинские работники) в России убивали или сильно повреждали здоровье новорожденных младенцев мужского пола. Так они думали убить грядущего Русского Царя. Но... эта попытка не удалась – Господь руками Иосифа Виссарионовича Сталина пресек осуществление этого замысла: часть этих “врачей”-людоедов в “белых халатах” – упрятали за решетку, часть по заслугам “поставили к стенке”, остальные были вынуждены скрывать свою волчью натуру под прикрытием “белых халатов”» [5].

Именно гиперкатегориальный уровень семантики агиологического мифа наиболее богат теологическим содержанием, поскольку обеспечивает формирование специфических теологем, таких как «царь-искупитель», «соборный грех», «иконический подвиг», «русская Голгофа». Вопрос о том, насколько означенные концепты в соответствующих дискурсах воспроизводятся именно в качестве теологем, а не мифологем, остается открытым. Анализ литургических текстов неканонического православия позволяет сделать предположение о том, что часто присущие им концепты не могут однозначно интерпретироваться, поскольку они представляют собой понятийные комплексы, обладающие качествами и признаками как теологем, так мифологем. В контексте теории семиотического дрейфа [9] можно предположить, что они развивают теологические и мифологические признаки в зависимости от контекста употребления.

Поскольку перечисленные концепты оказываются исключительно уязвимыми для богословской критики с позиций традиционной православной веры, обвинений в ереси, модернизме и проч., приверженцы православных субкультур радикально-монархического паттерна, репрезентирующие себя в качестве строгих и бескомпромиссных ортодоксов, вынуждены разрабатывать механизмы апологетики. Одним из наиболее интересных с точки зрения семиогерменевтики [8] является целенаправленное создание герменевтической амбивалентности концептов-символов при помощи активации процессов семиотического дрейфа. В результате возникает возможность в зависимости от контекста коммуникации интерпретировать семиотически значимые элементы семиосферы как поэтические метафоры/аллегории или как теологические символы. В первом случае всегда можно сомнительные с теологической точки зрения тезисы интерпретировать как поэтические метафоры, метонимии, гиперболы, не претендующие на выражение теологических понятий, и таким образом избежать обвинений в неортодоксальности. Во втором в условиях эзотерической коммуникации среди единоверцев в подобной мимикрии нет необходимости, и сомнительные концепты типа «царь-искупитель» или «соборный грех» реализуют всю полноту значений теологического символа.

Список литературы

1. Акафист благоверному царю-мученику Иоанну Грозному, за веру православную со сродниками убиенному и оклеветанному [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruskmir.ru/akafisty-o-spasenii-rossii/akafist-blagovernomu-caryu-ioannu-groznomu/> (дата обращения: 20.02.2018).
2. Акафист мученику Григорию Распутину-Новому, пророку и чудотворцу Российскому [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruskmir.ru/grigorij-rasputin-akafist/> (дата обращения: 20.02.2018).

3. Акафист народного покаяния святому благоверному царю-великомученику Николаю второму испугителю Руси [Электронный ресурс]. URL: <http://www.3gm.info/46963-akafist-caryu-iskupitelyu-nikolayu-ii-skachat.html#sel=> (дата обращения: 20.02.2018).
4. Акафист св. прпмч. Григорию Новому (Распутину) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaistinu.ru/articles/?aid=2288> (дата обращения: 20.02.2018).
5. Александров М. Чем Иосиф Виссарионович Сталин заслужил вечную память русского богоизбранного народа? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ic-xcnika.ru/texts/2009/dec/n625.html> (дата обращения: 20.02.2018).
6. Головушкин Д. А. Обновленчество и старообрядчество: антитеза или объединяющая парадигма? // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2013. № 2(11), ч. 1. С. 288–294.
7. Иловайский Д. И. Царская Русь. Московско-царский период. Первая половина XVI в. М.: АСТ, Астрель, 2008. 767 с.
8. Карандашов В. Д., Лебедев В. Ю. Прологомены семио-герменевтического религиоведения // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2017. № 3. С. 124–133.
9. Лебедев В. Ю. К вопросу о верифицируемых закономерностях трансформации семантики религиозного ритуала // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер. Филология. 2009. Т. 29, вып. 4. С. 85–94.
10. Покаянная молитва [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruskmir.ru/grigorij-rasputin-akafist/> (дата обращения: 20.02.2018).

Semiotics of a New Hagiological Myth and Formation of Noncanonical Cults

A. M. Prilutskii

The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

Abstract. The article deals with the semiotic features of a hagiological myth, which is understood as a complex of mythological discourses describing irrational causes and consequences of real or imaginary acts of a «future saint» in the context of manifesting his supernatural abilities. The author proves that the specificity of non-canonical cults is that the hagiological myth precedes the cult, and does not form while the latter is developing. Moreover, it can be assumed that it is the hagiological myth that is the instrument of formation and propaganda of new cults. Since the goal of a hagiological myth is not the hagiography of the image of the saint, but providing the rationale for his cult, giving reasons for worship. A mythological myth is not very informative, but it has significant illocution that is directed toward the apologetics of a certain saint. The analysis of the discourses of a hagiological myth leads to a conclusion that their mythological components are often interrelated in the form of simple binary oppositions peculiar to mythological thinking.

Keywords: hagiology, hagiography, saint, canonization, hagiological myth, hagiological narrative.

For citation: Prilutskii A.M. Semiotics of a New Hagiological Myth and Formation of Noncanonical Cults. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2018, vol. 23, pp. 102-109. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.102> (in Russian)

References

1. *Akafist blagovernomu carju-mucheniku Ioannu Groznomu, za veru pravoslavnuju so srodnikami ubiennomu i oklevetannomu* [Akathist to the blessed Tsar-Martyr John the terrible, for the Orthodox faith with his relatives killed and slandered]. Available at: <http://www.ruskmir.ru/akafisty-o-spasenii-rossii/akafist-blagovernomu-caryu-ioannu-groznomu/> (date of access: 20.02.2018). (in Russian)

2. *Akafist mucheniku Grigoriju Rasputinu-Novomu, proroku i chudo-tvorcu Rossijskomu* [Akathist to Martyr Grigory Rasputin-New, prophet and Wonderworker of Russia]. Available at: <http://www.ruskmir.ru/grigorij-rasputin-akafist/> (date of access: 20.02.2018).
3. *Akafist narodnogo pokajaniya svjatomu blagovernomu carju-velikomucheniku Nikolaju vtoromu iskupitelju Rusi* [Akathist to the national repentance of the Holy Nobleborn Tsar-Martyr Nicholas II of Russia Redeemer]. Available at: <http://www.3rm.info/46963-akafist-caryu-iskupitelyu-nikolayu-ii-skachat.html#sel=> (date of access: 20.02.2018).
4. *Akafist sv. prpmch. Grigoriju Novomu (Rasputinu)* [Akathist to St. prmc. Gregory New (Rasputin)]. Available at: <http://www.zaistinu.ru/articles/?aid=2288> (date of access: 20.02.2018).
5. Aleksandrov M. *Chem Iosif Vissarionovich Stalin zaslužhil vechnuju pamjat' russkogo bogoizbrannogo naroda?* [Than Joseph Stalin deserved eternal memory of the Russian chosen people?]. Available at: <http://www.ic-xc-nika.ru/texts/2009/dec/n625.html> (date of access: 20.02.2018).
6. Golovushkin D.A. The Renovationism: Old Believers – Is It an Antithesis or a uniting paradigm?. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2013, no. 2(11), part 1, pp. 288-294, (in Russian)
7. Plovajskij D.I. *Car'skaja Rus. Moskovsko-car'skij period. Pervaja polovina XVI veka* [Tsarist Russia. The Moscow-Tsar period. The first half of the XVI century]. Moscow, AST Publ., Astrel Publ., 2008, 767 p. (in Russian)
8. Karandashov V.D., Lebedev V.Ju. Prolegomeny semio-germenevticheskogo religiovedeniya [Prolegomena semioperational religious studies]. *Vestnik of Pushkin Leningrad State University*, 2017, no. 3, pp. 124-133. (in Russian).
9. Lebedev V.Ju. K voprosu o verificiruemykh zakonomernostjakh transformacii semantiki religioznogo ritual [On the question of verifiable laws of transformation of semantics of religious ritual]. *Vestnik Tver State University. Seriya Filology*, 2009, vol. 29, issue 4, pp. 85-94. (in Russian)
10. Pokajannaja molitva [Penitential prayer]. Available at: <http://www.ruskmir.ru/grigorij-rasputin-akafist/> (date of access: 20.02.2018). (in Russian)

Прилуцкий Александр Михайлович
 доктор философских наук, профессор
 Российский государственный педагогический
 университет им. А. И. Герцена
 Российская Федерация, 191186,
 г. Санкт-Петербург, наб. Реки Мойки, 48
 тел.: 8(812)3123640
 e-mail: alpril@mail.ru

Prilutskii Aleksandr Mikhailovich
 Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
 Herzen State Pedagogical University of Russia
 48, Moyka embankment, St. Petersburg,
 191186, Russian Federation
 tel.: 8(812)3123640
 e-mail: alpril@mail.ru